

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ 1862 г. ноября 24 дни.

Цензоръ Ф. Еленевъ.

Въ Типографии Штава (Ф.Л. Корпуса Внутр. Стройк.)

ЭКОНОМИЧЕСКИЯ ОСНОВАНИЯ ПОЗЕМЕЛЬНАГО ДОХОДА. С*)

Мм. гг. Со вступлениемъ нашего отечества чрезъ освобождение земледѣльца, работника на истинный путь прогресса долженъ получить мѣсто въ экономической жизни нашей цѣлый рядъ явлений, давно выработанныхъ странами свободного труда. Видѣть этиимъ настуپаетъ время разъяснить себѣ смыслъ этихъ явлений. На нашей сторонѣ выгода въ пользованіи запасомъ чужаго опыта, и непростительно, если путь нашъ будетъ совершаться опупью, когда мы имѣемъ всѣ средства освѣтить его началами науки. Въ настоящее собрание осмысливаюсь обратить просвѣщенное вниманіе ваше на научное разсмотрѣніе одного изъ такихъ, готовыхъ возникнуть у насъ, явлений. Мы будемъ говорить о поземельной рентѣ и постараемся вникнуть въ начала этого вида дохода, разсмотримъ всю категорію экономическихъ явлений, тѣсно связанныхъ съ его основаниемъ.

(*) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраниі Горыгорбцкаго земледѣльческаго Института 30 августа 1862 года.

Каждое начало, каждую силу наблюдать тѣмъ удобнѣе, чѣмъ въ болѣе совершенной формѣ начало или сила проявляются въ дѣйствительныхъ фактахъ. Вотъ почему мы будемъ брать поземельный доходъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ является при совершенномъ разграничении промышленностей, при полнѣшемъ раздѣлѣніи труда.

Тамъ, где землевладѣлецъ есть вмѣстѣ и промышленный предприниматель и часто непосредственный работникъ, поземельный доходъ такъ смѣшивается съ барышомъ и задѣльной платой, что его наблюдать черезвычайно трудно.

Тоже почти должно сказать о тѣхъ хозяйствахъ, которые основаны на обязательномъ труде и поставлены въ необходимость производить даже при недостаточномъ сбытѣ. Тамъ издержки производства не могутъ быть вычислены и чистый доходъ опредѣленъ. Самую совершенную форму поземельного дохода мы видимъ тогда, когда земледѣльческая промышленность облекается въ фермерство, когда землевладѣлецъ и промышленный предприниматель—два разныхъ лица. Тогда все вознагражденіе, получаемое отъ предпріятія, раздѣляется на двѣ части: одна, въ видѣ ренты, иногда соединенной съ наемною платою, идетъ землевладѣльцу; другая, въ формѣ барыша, соединенного съ рабочими платами и процентами приходится на долю фермера и работниковъ. Первая изъ этихъ частей, носящая название *поземельной ренты*, представляетъ чистый доходъ землевладѣльца. На разсмотрѣніе экономическихъ оснований этой ренты я и обращу, ми. гг. ваше вниманіе.

Не нужно быть глубокимъ экономистомъ, чтобы видѣти, какъ тѣсно вопросъ о рентѣ связанъ съ основными положеніями науки. Но эти основные положенія до сихъ поръ еще такъ не установились, что я считаю себя обязаннѣмъ высказать опредѣленно начата, изъ которыхъ буду выходить.

Точка зреінія здѣсь опредѣляется нашимъ взглядомъ на участіе даровыkhъ силъ природы въ производствѣ и ученіемъ о цѣнности.

Поставленный въ среду матерій и силъ природы, человѣкъ получаетъ тѣ и другія въ обладаніе подъ условіемъ собственнаго

усилія, направленаго на приспособленіе ихъ къ своимъ потребностямъ. Потребность, усиліе, удовлетвореніе—вотъ три термина, опредѣляющіе экономического индивидуума. (*) Такимъ образомъ, вся жизнь человѣчества есть направленіе усилій къ преобразованію матерій и приспособленію силъ природы къ своимъ потребностямъ. Трудъ и силы природы—два элемента, изъ взаимодѣйствія которыхъ возникаетъ удовлетвореніе. Оба они носятъ совершенно различный характеръ. Трудъ, соединенный съ страданіемъ, есть элементъ тягостный, силы природы элементъ даровой. Первый служить источникомъ цѣнности и собственностіи, вторая всегда и вездѣ сохраняютъ характеръ даровой полезности. Пропорція, въ которой эти элементы смѣшиваются въ каждомъ удовлетвореніи, весьма различна въ пространствѣ и времени. Колебанія, въ первомъ отношеніи неуловимы, но во второмъ—измѣненія ея открываютъ смыслъ общечеловѣческаго развитія, начало цивилизациі. Вотъ общая формула человѣческой исторіи съ экономической точки зреінія: 1) Трудъ человѣка улучшается постепенно въ качествѣ, дѣляясь болѣе умственнымъ и нравственнымъ; количество его для каждого отдельного удовлетворенія уменьшается; 2) даровые силы природы, оставаясь вездѣ таковыми, получаютъ болѣе широкое поле въ удовлетвореніи потребностей. Трудъ дѣлается совереннѣе, человѣкъ свободнѣе и нравственнѣе; силы природы работаютъ все болѣе и болѣе за него; область собственностіи уменьшается, область даровой полезности увеличивается; человѣкъ съ меньшимъ усилемъ достигаетъ большихъ результатовъ (**). Въ сложномъ механизѣ всѣхъ отраслей промышленной дѣятельности трудно различить этотъ даровой элементъ, такъ онъ тѣсно сливаются съ трудомъ въ одной вещественной формѣ: но строгій анализъ всегда отличитъ его. Этотъ даровой элементъ никогда безъ нарушенія правъ ближняго не можетъ входить въ область собственностіи и присвоеніе промышленной не можетъ доставлять вознагражденія

(*) Bastiat. Harm. économ. 47.

(**) Bastiat: Propriété, Communauté (Harm. écon.). *

тому, что въ нихъ рукахъ находится. Дѣйствительно, что входить въ составъ цѣнности въ аршинѣ холста? Трудъ, употребляемый на обработку земли, выѣлку льна, приготовленія нитей, сїдки и т. д., устройство машины и т. д.; только эта категорія труда и вознаграждается въ цѣнѣ холста; но силы распредѣляются, скажемъ, тяжести, упругости и другія—все это есть факторы производства и замѣняетъ съ улучшеніемъ производства, то есть улучшаетъ качества труда, эти силы дѣлаются доступными для большему числу потребителей. Трудъ, предоѣбная превратившись въ пространствомъ, временемъ и другими условіями, не измѣнитъ обладанію матеріалами и силами природы, дѣлающими эти силы и бѣзъ доступными: онѣ входятъ, какъ частіи въ себѣ въ труда, но здѣсь онѣ по прежнему сохраняютъ свою самостоятельность. Только особыя условія, — слѣдствія естественныхъ явлѣній или общественнаго устройства—могутъ привести къ тому, что силы свойство давать вознагражденіе труду, и то въ томъ случаѣ соединены. Всѣ эти условія соединяютъ въ себѣ естественную монополію. Но монополія искусственная есть, конечно, потому: она падаетъ передъ распространеніемъ спроса на товары производства; естественная же монополія черезъ свою природу и свойство съ свойствами даровыхъ силь и материальныхъ качествъ производства, дѣлается достояніемъ общимъ, убывающимъ и вѣкомъ другими естественными монополіями. Несколько существуетъ случайный; вторая—результатъ несовершенства участія природы или законами природы, результатъ только неизменный, склонности вторженія въ ихъ область. Слѣдовательно, не будемъ говорить о монополіи искусственной, какъ противной естественной, за боязнь человека, признаетъ монополію естественную, а не фактъ необходимый, но все таки временный.

Несмотря на свой характеръ участія силъ природы во всѣхъ отрасляхъ производства и во всякое время, мы видимъ единственное заслуженіе основы цѣнности въ труде. При обмѣнѣ одного производителя на другое обмѣнивается одна доля труда на другую производителя, какъ одинаковый коэффиціентъ исчезаютъ, то имена утрачиваются по своему даровому свойству. При

этомъ обмѣнъ доли труда получаютъ особое экономическое свойство—цѣнность. Только цѣнности составляютъ въ собственности, только цѣнности обмѣниваются.

До удовлетворительного объясненія основанія на труда дошла путемъ многихъ заблужденій, бывшихъ причиной и разрушенія столькихъ зложныхъ экономическихъ системъ. Две изъ ученикъ почти современнымъ—Кэри и Бастіа—принадлежатъ и посвѣтили рациональное ученіе о цѣнности. Различалось во мнѣніяхъ экономическихъ воззрѣніяхъ, оба они, въ различнѣхъ по выражению формулахъ, одинаково опредѣляютъ сущность сїя. Цѣнность, говоритъ Бастіа^(*), заключается не въ труде, употребленномъ на производство, но въ труде, сбереженномъ для другихъ. Чѣмъ больше труда не вознаграждается, потому что оно не можетъ запрашивать, и часто малый трудъ вознаграждается въ болѣе размѣрѣ, потому что сберегаетъ значительное количество труда для другихъ. Бастіа поясняетъ слѣдующимъ характеристическимъ примѣромъ свою теорію.

«Я прогуливаюсь на берегу моря. Счастливый случай поднялъ меня обладателемъ прекраснаго алмаза — и вотъ я въладѣю большой цѣнности. Почему? Этой находкой не раздѣлѣлъ я состоянія въ родѣ человѣческомъ; не предавалъ я ее никому и усиленному труду. Отъчего же этотъ алмазъ не вѣченъ? Алмазъ не вѣченъ? Безъ сомнѣнія оттого, что тотъ, кому я его дамъ, будетъ видѣть съ моей стороны огромную услугу тѣмъ, что это много богачею его искало, а въ одинъ его мигъ. Ещѣ одно умозаключеніе покупателя можетъ быть ложью — въ другомъ случаѣ они основываются на тщеславіи, гордости, искаженіи и заблужденіе существуетъ, какъ пружина дѣйствія — и это вѣчно».

«Здѣсь мы далеки отъ того случая, чтобы цѣнность — это пропорциональна труду, употребленному тѣмъ, кто окажетъ услугу: она скорѣе пропорциональна труду, сбереженному, тѣмъ, кто ею пользуется. Въ этомъ впрочемъ и состоитъ здѣсь опасность цѣнностей—она имѣть свое начало не столько въ изобрѣтеніи

(*) Harm, économ. Valeur.

ною усилії, сколько въ усилії сбереженному для пользующихся услугою. Въ самоть дѣлъ обмѣнъ нашего драгоценного камня будетъ сопровождаться слѣдующими преніемъ:

«Уступите мнѣ вашъ алмазъ.

— Хорошо; дайте мнѣ за него годъ вашего труда.

— Но помилуйте, вы употребили на его отысканіе одну минуту.

— Такъ ищите же такой минуты.

— Послушайте, по справедливости, вѣдь мы должны иѣть-
ся на равныя усилія.

— Нѣтъ — по справедливости, вы оцѣниваете свои услуги,
и — свои. Я вѣдь васъ не неволю: дайте мнѣ годъ труда или
ищите сами алмаза.

— Но это потребуетъ можетъ быть десятилѣтнихъ поисковъ
съ вѣроатною неудачею въ концѣ. Я думаю, что мнѣ выгодѣ
иначе употребить эти 10 лѣтъ.

— Поэтому именно я думаю, что оказываю вамъ услугу: про-
ся только одного года, я сберегаю вамъ девять, и вотъ почему
я придаю цѣнность своей услугѣ. Если я вамъ кажусь слишкомъ
требовательными, то это потому, что вы не берете въ расчетъ
труда, который вамъ сберегается.

— Тѣмъ не менѣе справедливо, что вы пользуетесь работой
природы...

— А еслибы я отдалъ вамъ алмазъ даромъ или за безцѣ-
нокъ — вы бы иши пользовались. Къ тому же алмазъ не потому
имѣеть цѣнность, что природа трудилась надъ его созданіемъ;
она тоже дѣлаетъ для каждой капли росы.

— Да, но еслибы алмазовъ было бы такъ много, какъ капель
росы, вы не бралибы на себя роли предлагающаго условія.

— Безъ сомнѣнія, потому что вы не обратились ко мнѣ и
не захотѣли бы дорого заплатить мнѣ за услугу, которую могли
бы такъ легко оказать себѣ сами».

Въ этомъ отрывкѣ вполнѣ выражается взглядъ французского
экономиста на цѣнность и изъ него цѣлья не видѣть, какое

большое значеніе придаетъ авторъ естественной монополіи,
въ разрѣшеніе этого основнаго положенія науки.

Каре (*) поставленный въ другую среду жизни, по духу ме-
ниѣ спиритуалистъ, истинный представитель историческаго мето-
да, въ анализѣ общественныхъ явленій, измѣряетъ цѣнность та-
же же трудомъ, употребленнымъ на производство, но трудомъ,
который требуется въ каждый послѣдующій моментъ времени
на воспроизведеніе того же предмета. Необходимымъ слѣдст-
віемъ этого положенія будетъ пониженіе цѣнности всѣхъ сущ-
ствовавшихъ капиталовъ, т. е. такихъ произведений, въ которыхъ
накопился трудъ, ставшій черезъ самое употребление этихъ ка-
питаловъ болѣе дешевымъ.

Въ богатой новыми начальми VI главѣ I тома *Principles of political science* и въ другихъ мѣстахъ этого замѣчательнаго тру-
да (chap. Ch XII of the 3 vol.—on distribution), Кэри гово-
ритъ, что измѣреніе цѣнности издержками производства вѣро-
только до появленія капитала; съ его появленіемъ основаніе
оценки измѣняется. Если донынѣ, требовавший прежде годичнаго
труда, можетъ быть построенъ теперь въ полгода, если рубка
древъ, требовавшая двухъ недѣль времени, можетъ быть оконче-
на въ недѣлю съ изобрѣтеніемъ топора, то цѣнность этихъ про-
изведеній упадетъ на половину въ сравненіи съ тѣми, въ про-
изводствѣ которыхъ топоръ не участвовалъ — такъ что цѣнность,
со временемъ появленія капитала будетъ опредѣляться издержками,
необходимыми для воспроизведенія предмета потребленія въ
даный моментъ времени. Пониженіе цѣнности самихъ капита-
ловъ, вслѣдствіе легкости приобрѣтенія, т. е. меньшаго количе-
ства труда, необходимаго на ихъ добываніе, сопровождается по-
ниженіемъ наемной за нихъ платы. Когда первый, единственный
топоръ былъ собственностью одного изъ поселенцевъ, тогда вла-
дѣлецъ могъ требовать за отдачу въ пользованіе половину вы-
ручки — топоръ стоилъ полугодичнаго труда; но съ появленіемъ
новыхъ лучшихъ орудій стоимость ихъ понизилась до одного дня.

(*) *Principles of pol. science*, vol 1-й on value.

Кто 50 лѣтъ назадъ давалъ $\frac{1}{2}$ года труда за годичное пользованіе топоромъ, не согласится на эту сдѣлку, если трудъ одного дня можетъ сдѣлать его самого обладателемъ топора. Домъ, построенный первымъ поселенцемъ, не будетъ наниматься такъ дорого, съ того времени, какъ домъ, построенный новымъ топоромъ, будетъ отдаваться дешевле. Значитъ улучшенню орудий (капиталовъ) не только сопровождается понижениемъ цѣнности всѣхъ прежнихъ орудий, но понижается и выраженная трудомъ наемная плата ихъ.

Нельзя не замѣтить, что сущность обоихъ положеній одинакова: цѣнность труда измѣряется не количествомъ и качествомъ въ моментъ приложения его, но количествомъ и качествомъ въ моментъ потребленія или обмена, когда производитель устраиваетъ для потребителя вслѣдствіе успѣховъ производства менышею долю усилий, потому что воспроизведеніе предмета самимъ потребителемъ или другимъ производителемъ обойдется дешевле.

Предоставляю вамъ, ми. гг., судить самимъ о тѣхъ богатыхъ научныхъ результатахъ, которое даетъ приложеніе такого взгляда къ рѣшенію экономическихъ проблемъ. Оно устанавливаетъ экономическое основаніе христіанскому закону любви къ ближнему черезъ солидарность интересовъ; онъ приводитъ мыслителя въ созерцанію можетъ быть величайшей изъ мировыхъ гармоній — гармоніи личныхъ интересовъ. Для нашей ближайшей цѣли важно знать, что силы и материі природы постоянно сохраняютъ въ производствѣ даровой характеръ, и что трудъ человѣка, источникъ собственности и цѣнности, измѣряется трудомъ сбереженнымъ, услугой, которую онъ оказываетъ потребителю.

Чистый поземельный доходъ или поземельная рента (*rente foncière, rent of land*) предполагаетъ для получающаго ее обладаніе известныи поземельныи участкомъ: отсюда тѣсная связь вопроса о рентѣ съ вопросомъ о поземельной собственности.

Особая историческая условія образованія поземельной собственности на континентѣ и въ Англіи путемъ завоеванія сообщили почти всѣмъ европейскимъ экономистамъ ложный способъ пониманія ея началъ и явленій, съ ней связанныхъ, а экономи-

ческое положеніе современной Англіи давало повидимому блистательное подтвержденіе ихъ выводамъ. Смѣщеніе даровой полезности съ цѣнностью окончательно затмило истинное рѣшеніе вопроса съ теоретической стороны. Изъ положеній этихъ экономистовъ прямо вытекаетъ отрицаніе собственности, какъ монополіи, эксплуатации рабочаго большинства меньшинствомъ землевладѣльцевъ. Бастія прекрасно характеризуетъ господствовавшія ученія о собственности въ слѣдующихъ словахъ:

«Экономисты говорили: поземельная собственность есть привилегія, но необходимая: ее нужно поддерживать.

«Соціалисты — поземельная собственность есть привилегія необходимая, но ее нужно вознаградить правомъ на трудъ. Коммунисты — собственность привилегія — ее необходимо уничтожить. (*)

«Адамъ Смієвъ вѣ опредѣлилъ ясно началъ поземельной собственности, но онъ считалъ работу силъ природы также производящую цѣнность.

«Въ обработкѣ земли природа работаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ и хоть работа ничего не стоитъ, произведенія ея тѣль не менѣе имѣютъ цѣнность, какъ произведенія самыхъ дорогихъ работниковъ.» (**) Послѣдователи развили его начала, не заботясь о поѣдѣніи ихъ здравымъ смысломъ и исторіею. Для Свя поземельная собственность прямо стала похищениемъ:

«Земля, говорить онъ, (***) есть дивная химическая лабораторія, въ которой комбинируются и вырабатываются кучи матеріаловъ и началъ, проявляющихся въ формѣ пшеницы, плодовъ, льна и т. д. Природа подарила человѣку эту огромную мастерскую; но некоторые люди овладѣли ею и сказали: эта часть моя — то, что она производить, будетъ мою исключительною собственностью. И удивительное дѣло! — эта похищенная привилегія далеко не погубна для общества — напротивъ она даже

(*) Harm. écon. 269.

(**) Кн. I гл. II.

(***) Harm. écon. 273.

оказалась ему выгодною.» Отсюда не далеко до формулы Прудона!

Не буду приводить длинного ряда цитат: смысл всѣхъ иихъ одинаковъ. Поземельные собственники овладѣли «неразрушимыми и дорогими силами природы» (*) насчетъ другихъ людей, познаніе явившихся на поприще истории и поэтому не принявшихъ участія въ раздѣлѣ; они получаютъ доходъ черезъ исключительное обладаніе насчетъ другихъ общими достояніемъ. Итакъ, основаніе поземельной собственности—насилие; экономический характеръ—эксплуатация работниковъ землевладѣльцами и способность давать вознагражденіе безъ труда съ ихъ стороны. Начала эти получили полное выраженіе въ слишкомъ известной Рикардо-мальюсовской теоріи ренты.

Мы не согласны съ этой знаменитой теоріей во взглядахъ на основаніе поземельной собственности, на экономическое ея значеніе и на законъ образованія поземельной ренты. Она раздѣляется—и вслѣдъ за нею мы встрѣтимъ тоже во всѣхъ экономическихъ трактатахъ—силы производительныя на три класса: трудъ, капиталъ и землю, разумѣя подъ нею поземельные участки, на томъ основаніи, что земля имѣть особый характеръ—входить безъ вреда для общества въ разрядъ сполеіаціонной собственности и даромъ давать владѣльцу доходъ насчетъ другихъ безъ нарушенія ихъ выгоды.

Посмотримъ, действительно ли земля, какъ элементъ производства, въ смыслѣ поземельного участка, имѣть образованіе и характеръ, отличающіе ее отъ капитала?

Въ науцѣ опредѣляется капиталъ сбереженіемъ иѣкоторой части усмѣй человѣка въ той или другой формѣ, въ томъ или другомъ соединеніи съ даровыми матерьялами и силою, сбереженіемъ, назначаемымъ или для поддержанія и возобновленія главнаго агента производства—человѣка, или для непосредственнаго производства новыхъ полезностей. Для образованія капитала нуженъ отчасти трудъ физическій, но въ большей степени ум-

(*) Ricardo: rent of the land (Ch. II) in his Principles etc.

ственныи и нравственный. Чѣмъ болѣе доли послѣднихъ двухъ родовъ труда, тѣмъ сильнѣе въ соединеніи съ той же долей непосредственныхъ усилий, дѣйствіе капитала, измѣряемое количествомъ произведенныхъ цѣнностей, и тѣмъ постояннѣе и сохранимѣе форма капитала, тѣмъ къ большему числу актовъ онъ способенъ и тѣмъ болѣе сберегаетъ усилий, слѣдовательно тѣмъ цѣннѣе. Одинъ день труда работника, вооруженного металлическимъ топоромъ, производить больше, чѣмъ день работы съ каменнымъ или костянымъ орудіемъ; топоръ изъ стали способенъ къ болѣе продолжительному употребленію; нашъ домъ больше даетъ полезностей (напримѣръ удобствъ), чѣмъ шалашъ индѣйца и можетъ производить эти полезности дольше, чѣмъ постройки.

Вся стоимость капитала заключается не въ веществѣ, но въ труде, который съ нимъ соединенъ или вѣрѣ въ могущество, въ производительной силѣ труда. Въ область собственности и входитъ только этотъ трудъ. Никто владѣльца капитала, напр. паровой машины, дома, не назоветъ похитителемъ чужаго добра, монополистомъ. Только производительная услуга капитала и оплачивается при его передачѣ или наймѣ.

Примлагая эту точку зренія къ анализу поземельного участка, мы видимъ въ немъ равнымъ образомъ соединеніе физического, умственнаго и нравственнаго труда съ даровыми силами и матеріями природы, и если земля, въ этомъ смыслѣ, и отличается отъ другихъ видовъ капитала, то развѣ тѣмъ, что представляется капиталъ болѣе сохраняемый, способный къ постоянному примененію въ производствѣ, къ неопределенному числу производительныхъ актовъ. Цѣнность земли не зависитъ отъ присущихъ ей нерушимыхъ и дорогихъ силъ, а единственno отъ всей массы труда поколѣй, въ ней вложенной и съ ней соединенной. Для приспособленія силъ земли необходимо также производительное участіе труда, какъ для приспособленія воздуха, пара, света, желѣза и т. д. къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Цѣнность труда, вложенного въ землю, или метафорически, цѣнность земли, следуетъ поэтому общимъ законамъ цѣнности,

измеримой величиною воспроизводительного труда или оказываемой услуги. (*)

Можно привести множество фактовъ, доказывающихъ, что собственной цѣнности, вѣтъ участія труда, земля не имѣеть. Обширныя, незапятныя, никому непринадлежащія пространства дѣственной почвы открыты даромъ для каждого, желающаго воздѣлать ихъ, и если новые поземельцы вѣстопорожнихъ мѣстахъ платить государству незначительную сумму за право занятія, то эта плата есть вознагражденіе за услуги, оказываемыя государствомъ поземельному владѣльцу — безопасность, расправу и т. д., а не за цѣнность земли. Паденіе воды не имѣеть цѣнности до тѣхъ поръ, пока не будуть сдѣланы затраты труда на устройство фабрики, мельницы, на соединеніе ихъ удобнымъ путемъ съ рынкомъ. Дорогія прежнія земли, съ перемѣнною направленіемъ человѣческаго труда, потеряли свое значеніе и цѣнность, которая должнѣбы была быть постоянна, еслибы входила вѣтъ свойства земли. Высокая цѣнность земли Финикіи пала съ паденіемъ Сидона и Тира, нестоившая ничего земля получила огромную цѣнность, когда на ней возникли Лондонъ, Ливерпуль, Филадельфиа. Вотъ богатыя земли расположенные по берегу рѣки; но населеніе разсѣяно, хозяйственныхъ отношеній не развиты, и земля не имѣеть цѣнности. Мало по малу затраты труда дѣлаютъ населеніе землемѣрческимъ и торговымъ; рѣка даетъ выгоды положенія прибрежной земли и большую цѣнность противъ участковъ, лежащихъ вѣкоторомъ разстояніи: но мы будемъ ошибаться, если будемъ думать, что эти выгоды происходятъ отъ цѣнности самой земли, а не отъ накопленія и употребленія вѣдою капитала. Проведеніе канала или желѣзной дороги черезъ удаленные отъ рѣки участки, т. е. затраты труда и капитала вѣтихъ участкахъ, можетъ лишить вовсе прежнія земли ихъ выгодъ вѣ пользу тѣмъ, которымъ считались худыми и менѣе цѣнными.

Трудъ, затраченный вѣ Новой Англіи, давалъ большую вы-

(*) Ср. P. Smith. A manual of political economy Fontenay: du revenu foncier.

ность городскимъ мѣстамъ, но они были обращены вѣ пашни, съ тѣхъ поръ какъ желѣзо и уголь сосредоточили производительные силы на сѣверъ. Колонисты, слѣдовавшіе за Уильямомъ Пеннозъ, издержали извѣстное количество времени и денегъ, за которое имъ съѣзжали получить вознагражденіе, какъ за употребленій труда; еслибы земля имѣла цѣнность, независимую отъ труда на присвоеніе и улучшеніе ея, то Пеннъ могъ бы продать ее съ большою прибылью, между тѣмъ, какъ онъ готовъ былъ сбыть ее съ большою потерю и не находить покупщика. Земли вѣ долинѣ Конектикута продавались вѣ 51 году 200 долларовъ за акръ. Земли, болѣе плодородныя и вѣ лучшемъ климатѣ, по берегамъ Джексоніи можно было купить по 50 долларовъ, также вѣ Висконсинѣ стояли 11/, доллара еще далѣе на западъ человѣкъ селился, не платя за землю: она не имѣла стоимости. Вѣ такомъ же положеніи находились 150 кмъ тому назадъ дорогіе теперь участки Конектикута. Итакъ обладаніе посемельнымъ участкомъ безъ употребленія на него производительного труда, т. е. сообразно съ свойствомъ и размѣромъ потребностей, не есть обладаніе богатствомъ, цѣнностью. Человѣкъ бываетъ бѣденъ на плодоносной землѣ, вѣ прекраснѣйшемъ климатѣ; бываетъ богатъ на скучной почвѣ, вѣ средѣ экономического движенія, при запросѣ на его трудъ, при изобилии капитала. Безплодная гранитная почва приобрѣгаетъ цѣнность съ открытиемъ спроса на гранитъ и съ приложеніемъ труда къ его добыванію; удаленный отъ рынка и лишенный капитала и рукъ черноземный участокъ не имѣть совершенно никакой стоимости. (*)

Этотъ существенно-даровой, безцѣнностный характеръ земли самой по себѣ и приобрѣтеніе цѣнности только со временемъ затраты труда производительного, т. е. удовлетворяющаго извѣст-

(*) Множество примѣровъ указано у Carey, —Principles вѣ классахъ: appropriation, occupation of the earth. а у P. Smith. A manual of P. Econ. См. Буйгер Гармонія хозяйства. отношеній. изд. Кожаникова. Ср. Запфельд: organisation de l'industrie 94—144. Fr. Passy: lecons d'econ. politique faites a Montpellier, 1862. 57—91.

ной потребности, спросу, даетъ возможность разложить поземельные участки на тѣ же два основныхъ элемента, которые входятъ въ образование всякаго орудія, капитала, цѣнности. Составленные изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, поземельный участокъ и всякий другой капиталъ съ чисто-научной точки зренія совершенно тождественны: въ обоихъ одинаковые элементы имѣютъ одинаковыя свойства; однѣ и тѣ же причины производить аналогическія сдѣствія. Такимъ образомъ, относительно поземельныхъ участковъ, имѣть силу общій, уломанутый уже для капиталовъ законъ, состоящий въ томъ, что съ появленіемъ новыхъ капиталовъ въ производствѣ, т. е. съ усовершенствованіемъ труда, цѣнность прежнихъ капиталовъ, выраженная трудомъ, понижается или другими словами цѣнность капитала измѣряется трудами, необходимыми для воспроизведенія его.

Первый поселенецъ А занялъ участокъ въ 100 десятинъ и употребилъ на приведеніе его въ годность 1000 дней труда. Черезъ несколько времени онъ желаетъ продать свой участокъ, обмѣнить его на другія цѣнности. Не забудемъ, какъ это сдѣлалъ Рикардо, что воздѣлываніе земли сдѣлало въ это время такие успѣхи, что обработка ста десятинъ такойже земли при помощи новыхъ капиталовъ, стоитъ гораздо дешевле. Нашъ поземельный владѣлецъ, ученикъ Рикардо и его школы, конечно будетъ при объявленіи цѣнъ поступать по слѣдующимъ соображеніямъ. «Я издержалъ на приведеніе моей земли въ годность 1000 дней труда — мнѣ должны возвратить ихъ и еще дать за неразрушимыя силы земли, соединенные съ моимъ участкомъ». Каково будетъ его разочарованіе, когда покупщикъ В. объявитъ ему, что во 1-хъ, онъ за силы земли не заплатить ничего, такъ онъ даровыи и ему не принадлежать, и что во 2-хъ, онъ дастъ ему за его участокъ столько, сколько ему самому будетъ стоить приведеніе совсѣмъ участка въ такойже видъ, т. е. гораздо меньше 1000 дней труда. (*) Здѣсь мы видимъ тоже, что при продажѣ топора, который стоилъ прежде $1/2$ годового

труда, а теперь можетъ быть приобрѣтенъ за $1/2$ дня труда. Таковъ общий законъ. Если онъ не проявляется совершенно ясно относительно поземельныхъ участковъ, то это оттого, что множество случайныхъ, чисто вицѣальныхъ обстоятельствъ вліяютъ на цѣнность земли, какъ они вліяютъ часто, но не въ такой степени и на цѣнность другихъ капиталовъ, напримѣръ возникновеніе рынка вблизи, проведение дороги, канала и т. д.

Уменьшеніе стоимости земли сравнительно съ цѣнностью труда, употребленного на приспособленіе ея къ производству, можно видѣть изъ многихъ данныхъ. Занимаемъ у Peshine Smith'a слѣдующія соображенія. «Возьмемъ, говорить онъ, штатъ Нью-Йоркъ. Денежная цѣнность фермъ этого штата, по кадастру 1850 года, равняется $554^{1/2}$ милл.; общая стоимость поземельныхъ участковъ городскихъ и сельскихъ доходила въ осень 1851 года до $907^{1/2}$ милл. Есть полное основаніе предполагать, что эта цифра ниже действительной, но если мы допустимъ ее равную 120 милл., то она все-таки будетъ соответствовать только четырехгодовому труду миллиона людей, работающихъ по 300 дней въ году и по доллару за день.

Стоимость поземельной собственности Англіи и Ирландіи съ копями, дорогами, каналами и т. д. доходитъ до 2 тысячи милл. ф. стерлинговъ. Эта сумма составила бы 10-лѣтнюю заработочную плату 5 милл. работниковъ по 40 фунтовъ въ годъ. Могли допустить, чтобы эта сумма приближалась къ стоимости труда, посвященнаго положимъ даже только съ нашествія Римлянъ, т. е. въ теченіе 13 вѣковъ, на улучшеніе почвы или къ стоимости теперешняго лучше вооруженного труда, сколько его понадобилось для воспроизведенія Соединенного королевства, возвращеннаго ко временамъ Генриха и Горзы.

Тождественность поземельныхъ участковъ съ капиталами приводитъ насъ къ объясненію исторического замѣчательнаго перехода отъ худшихъ участковъ къ лучшимъ. Какъ капиталы съ развитиемъ хозяйственнымъ совершенствуются, т. е. въ нихъ лучший по качеству трудъ соединяется съ даровыми силами и материальными природы — раковина замѣняется каменнымъ, потомъ

(*) Ср. Bastiat, Harm. écon. 288 squ.

желѣзнымъ топоромъ, шаляшъ домомъ, сила мускуловъ силой пара,—такъ и поземельные участки постоянно улучшаются; другими словами: человѣкъ отъ воздѣлыванія худшаго участка переходитъ къ обработкѣ лучшаго, для доведенія котораго до производительного состоянія требуется болѣе совершенный трудъ: виѣсто худшей машины для производства земледѣльческихъ продуктовъ, человѣкъ приобрѣгаетъ лучшую, подъ условіемъ употребленія лучшаго труда. Въ этомъ экономическомъ фактѣ новая наука расходится совершенно со школою Рикардо, которая объясняла чистый поземельный доходъ именно обратнымъ историческимъ ходомъ занятія земли. Поселяясь на извѣстномъ пространствѣ, общество занимаетъ, говорить эта теорія, сначала лучшіе, самые плодоносные участки; когда производство ихъ становится едократичнымъ для удовлетворенія потребностямъ возрастающаго населенія, занимаются постепенно все худшіе и худшіе участки, требующіе большаго количества труда для полученія тогоже самого произведения. Разница между двумя количествами труда составляетъ чистый поземельный доходъ лучшихъ участковъ. Нельзя не видѣть совершенной поверхности такого учченія, не говори уже о томъ, что здѣсь предполагается совершенное непризнаніе или незнаніе исторической стороны предмета. Между тѣмъ послѣдствія такого взгляда, еслибы онъ былъ справедливъ, въ высшей степени безотрадны для человѣчества. Населеніе увеличивается; принуждено заняться воздѣлываніемъ участковъ, которые или требуютъ громаднаго труда для полученія благопріятнаго результата или даже не покрываютъ вовсе стоимости работы; хлѣбъ дорожаетъ, доходъ меньшинства увеличивается, средства существованія большинства уменьшаются, доходятъ до нуля: являются малъюсовскія разрушающія препятствія — тѣ, которымъ нѣтъ мѣста на пару жизни вымираютъ. Несправедливое обогащеніе однихъ, неминуемая голодная смерть другихъ—вотъ будущность, которую пророчитъ Рикардо человѣчеству; конечное рабство человѣка—вотъ его судьба. (*) Къ

(*) Carey: Principles. Rent of the land. Тамже подробный разборъ Рикардо. (III vol Ch. XIII).

счастью историческое изученіе предмета заставляетъ насъ не вѣрить въ это ужасающее будущее и ставить на мѣстѣ его фактъ постепенного освобожденія человѣка и положительное приближеніе его, на перекорь изнѣвѣ полагаемымъ препятствіемъ, имѣтъ съ свободой, къ равенству, но не къ равенству дикости, а благосостоянія и образованности.

Выраженія: худая, хорошая земля безотносительно не имѣютъ смысла— всякая земля хороша, если можетъ быть и будетъ употреблена сообразно съ ея свойствами и силами. Относительно же земледѣльческой промышленности, лучшая земля, т. е. въ большей степени вознаграждающая затраты труда, суть именно тѣ, которыхъ воздѣлываніе возможно только при широкомъ развитіи сбереженія, при извѣстной сжатости населенія, при большомъ могуществѣ капиталовъ. Въ то время, когда разсѣянное, лишенное орудій и капиталовъ, населеніе занимаетъ склоны возвышеностей съ почвою легкою, обширныя пространства плодоносной земли скрываются подъ болотами, водами и лѣсами: нужно обладать большими средствами для культуры такихъ земель. Исторія колонизаціи Сѣверной Америки, Мексики, Вест-Индіи, Южной Америки показываетъ намъ, что колонисты занимали сначала сухія и легкія мѣста возвышеностей, оставляя своимъ наслѣдникамъ расчистку лѣсовъ, осушеніе болотъ и береговъ рѣкъ. Куда мы ни взглянемъ, вездѣ увидимъ, что чѣмъ гуще населеніе и большая масса богатствъ, тѣмъ болѣе воздѣлывается хорошихъ земель; извѣстить — повсюду, где земля изобилуетъ, населеніе рѣдко, обработка удаляется отъ береговъ рѣкъ и придерживается склоновъ холмовъ (*). Въ странахъ, развитыхъ на столько, чтобы имѣть каналы и желѣзныя дороги, каждый можетъ понѣрить этотъ фактъ, если обратить вниманіе на физіономію земель, черезъ которыхъ они проходятъ, сравнительно съ мѣстностью старыхъ дорогъ. Старая дорога почти никогда не имѣть возвышенности, лежащей на общемъ ей направлѣніи, даже еслибы

(*) P. Smith. A manual of Polit. Econ. ch. II.
экономистъ

это не представляло сбережения въ разстояніи; между тѣмъ длина желѣзной дороги, соединяющей два отдаленіе города, менѣе длины прежней, несмотря на то, что для проведения ея нужно много стѣснительныхъ условій. Но зато большая дорога окаймлена обработанными полями и селеніями: она была проведена для облегченія сообщеній между ними, была пробита ногами членыка прежде, чѣмъ стала проѣзжей — и цѣль проведения заставила ее слѣдовать за населеніемъ, не принимая въ расчетъ будущихъ затрудненій, крутыхъ подъемовъ и спусковъ. Желѣзная дорога, напротивъ, для сбереженія перевозочныхъ усилий и разстоянія, стремится по низменностямъ сквозь лѣса и болота, избѣгая людскихъ жилищъ: они со временемъ возникнутъ по сторонамъ ея, потому что человѣкъ осушить болото, вырубить темный лѣсъ и забудетъ для новой земли, оплодотворенной имъ, свои старыя селитбы (*).

Переносясь съ дѣственной почвы Америки на нашъ континентъ, мы видимъ, что въ Англіи, землемѣрческая исторія которой болѣе извѣстна, существованіе указываемаго нами перехода въ воздѣлываніи земли можетъ быть прослѣжено съ совершенною ясностью. Лѣса и болота временъ Ричарда Лѣвионесердце, теперь обработанные и плодородныя поля. Топи, почти поглотившія армію Вильгельма Завоевателя, суть вынывшія хлѣбородныя и луговая пространства Ланкашیرа, самыя плодопоспѣшныя въ Англіи. Земли, въ самое новѣйшее время подвергнувшись культурѣ, суть болота Мінкольна и смежныя графства, два акта тому назадъ ненаселенныя, теперь замѣчательныя по своему богатству. Въ своемъ описаніи острова, Цезарь говоритъ, что только южные поселенцы сдѣлали кое-какіе успѣхи въ земледѣліи, и грубость правовъ увеличивалась съ удаленіемъ отъ береговъ; жители середины страны не воздѣливали новое земли, вели жизнь пастушескую, покрывались кожами, жили молокомъ. Земля южныхъ графствъ имѣло такого свойства, что можетъ быть воздѣлываема съ малыми средствами и капиталомъ; она

даєтъ сравнительно ниже урожай; земли, позднѣе воздѣланныя, требовали большихъ затратъ и сдѣловательно были недоступны, пока у населенія не было для этого капиталовъ и могущественныхъ средствъ знанія. Тоже самое явленіе повторяется въ колонизации Шотландіи, Франціи, Германіи и вездѣ, где мы имѣемъ возможность прослѣдить его (*).

Я не напрасно остановилъ такъ долго вниманіе ваше, Ми. Гр., надъ разсмотрѣніемъ экономического значенія поземельныхъ участковъ: въ правильности его пониманія и лежитъ разрешеніе нашей задачи — объясненіе свойствъ поземельного дохода.

Приписывая поземельной собственности монопольный характеръ, экономисты прежней школы заставляли смотрѣть на поземельный доходъ, какъ на результатъ несправедливости; ставя идеальную теорію занятія поземельныхъ участковъ, они объясняли чистый поземельный доходъ естественнымъ преимуществомъ лучшихъ участковъ надъ худшимъ. Основывая поземельную собственность на общихъ началахъ со всякимъ другимъ родомъ собственности, и видя въ поземельномъ участкѣ особую форму капитала, мы ищемъ и источника поземельной ренты въ общемъ началь происхожденія всякаго дохода. Участствуя въ производствѣ капиталомъ-землей, владѣлецъ за услугу, оказываемую имъ, получаетъ вознагражденіе, которое, по характеру своему, совершенно тождественно съ вознагражденіемъ того лица, которое участвуетъ въ производствѣ всикимъ другимъ капиталомъ, состоящимъ въ движимой или недвижимой собственности. Отсюда поземельная рента, наемная плата и процентъ суть термины соотносительные.

Объясненіе поземельного дохода платою за услугу, оказываемую землевладѣльцемъ производству, ставить поземельную ренту подъ общіе законы платы за всякія услуги и обобщаетъ совершенно формулу всѣхъ видовъ вознагражденія. Представимъ себѣ землемѣрческое производство при наибольшемъ раздѣленіи труда. Въ немъ участвуютъ два рода силы: труда и ларовыя силы природы. Изъ нихъ собственно первая часть подлежитъ

(*) R. Smith L. cit.

(*) Сагеу, Occupation of the earth.

рассмотрѣнію науки, потому что она только и вознаграждается. Эта часть состоить изъ труда непосредственнаго и труда капитализованного. Чистый доходъ распредѣляется между этими двумя категоріями труда. Изъ него выдѣляется: во 1-хъ, заработная плата работникамъ; во 2-хъ, процентъ — плата за услуги владѣльца движимаго капитала: денегъ, зеренъ хлѣба и т. д.; въ 3-хъ, рента за услугу владѣльца поземельнаго участка; въ 4-хъ, плата за наемъ построекъ, орудий; въ 5 -хъ, собственный барышъ предпринимателя, будеть ли онъ фермеръ или самъ землевладѣлецъ. Среди три 2, 3 и 4 доли суть вознагражденіе за различные виды капитала. Очевидно, что чистый поземельный доходъ выдѣляется явственno только тогда, когда воздѣлываніе земли принимаетъ видъ промышленнаго предпріятія; если землевладѣлецъ есть самъ предприниматель и самъ работникъ, тогда рента его соединяется съ заработной платой и барышомъ, точно также, какъ наемная и рабочая плата соединяются въ вознагражденіи ткача, работающаго собственнымъ станкомъ и своими руками. Поэтому, въ чистомъ видѣ, рента является при передачѣ владѣльцемъ участка капитала предпринимателю, точно такъ какъ процентъ является при передачѣ капитала монетнаго другому лицу.

Величина ея опредѣляется на основаніи общихъ законовъ спроса и предложения и количества занятій, предлагаемыхъ для капитала.

Чемъ больше поземельныхъ участковъ предлагается для известнаго промышленнаго предпріятія, тѣмъ плата за услугу ихъ будеть менѣе; въ противномъ случаѣ она возвышается. Будучи обратно пропорциональна предложенію участковъ, рента прямо пропорциональна количеству занятій, предлагаемыхъ промышленностью: чѣмъ больше барышъ даетъ промышленность, тѣмъ большее число капиталовъ стремится къ нее, сохранивъ высокій процентъ. Здѣсь должно обратить вниманіе на одно важное обстоятельство — на представляемую экономистами ограниченность предложенія поземельныхъ участковъ и постоянно увеличивающейся спросъ на нихъ. Въ сущности ограниченность имѣеть

здесь значеніе только пространственное: на известной террито-рии предложеніе участковъ обусловливается границами террито-рии. Но во-первыхъ, рынокъ не ограничивается, предѣлами из-вестной страны, во-вторыхъ —не величина участка есть предметъ спроса, но силы и свойства, въ немъ заключающіяся а тѣ и другія неограничены въ предѣлахъ доступныхъ опредѣленію: по-земельные участки дробятся, хозяйства умножаются, основываются легче, предпріятія, требовавшія прежде большихъ участ-ковъ, совершаются другими средствами, успѣшиѣ на малыхъ. Сказать, замѣчаѣтъ Bastiat, что земля не станетъ для прокорм-ленія человѣка, тоже, что предположить, что воздуха не станетъ для дыханія.

Итакъ, единственная причина ренты, если рассматривать во-просъ съ нашей точки зрѣнія, лежитъ въ услугахъ, оказываемыхъ капиталомъ-землей. Внѣ всякихъ случайныхъ обсто-ятельствъ, предполагая —усовершенствование земледѣльческой про-мышленности, эксплуатацию почвы не единственно съ цѣлью сельско-хозяйственной, но именно сообразно съ ея естествен-ными свойствами и силами; легкость перемѣщенія производствен-ва участки незанятые: различная степень плодородія, ограничен-ное пространство земли на известной территоріи должны исчез-нуть при синтезѣ экономическихъ явлений. Затѣмъ остаются одни общія черты, по которымъ поземельная собственность и рента подводятся подъ общую категорію капитала, труда, затраченного въ известной формѣ, и вознагражденія за услуги его.

Но мы этимъ нисколько не отрицаемъ значенія и дѣйствитель-наго влиянія на величину поземельной ренты различныхъ времен-ныхъ обстоятельствъ. Ниодно общественное начало во всей чи-стотѣ не можетъ развиваться и дѣйствовать, коль скоро оно по-ставлено въ условія зависимости отъ свободной воли свидѣчаго человѣка. Недостатки общественной организаціи, происходящіе отъ недѣлнаго осуществленія законовъ естественной справедливости; неполное развитіе всѣхъ потребностей человѣка; только посте-пенно сглаживающіяся препятствія, подлагаемыя волю человѣка и пространствомъ между потребителями и производителями, ис-

совершенное обладание окружающюю природою делаютъ то, что экономические законы видоизмѣняются въ результатахъ своего дѣйствія. Въ одиныхъ категоріяхъ явленій эти законы скорѣе освободились отъ насильственнаго измѣненія своихъ дѣйствій; въ другихъ доселъ проявленіе ихъ затрудняется и не можетъ высказываться совершенно опредѣленно.

Между другими есть одно важное обстоятельство, которое саже лежитъ въ произвола человѣка¹, но устраненіе которого не выходить вподи изъ круга нашихъ дѣйствій: оно вліяетъ сильно на измѣненіе всѣхъ экономическихъ явленій производства и распределенія. Его можно назвать естественной монополіей—заимѣніемъ другого термина. При выдѣлении доходовъ она весьма значительно измѣняетъ распределеніе ихъ, давая бытіе особыму элементу въ ихъ суммѣ. Нѣмецкіе экономисты назвали этотъ элементъ Ueberschussfactor, Rentfactor (*). Присутствіе его почти удовлетворительно объясняется наѣмъ теоріею, которую Рикардо примѣнилъ исключительно къ происхожденію земельного дохода, такъ что отвергая совершенно истинность ея только для одного частнаго случаи, мы обобщаемъ ее на всѣ виды производства. Рента, какъ понимаетъ ее Рикардо, есть принадлежность всѣхъ видовъ производства и можетъ быть при всѣхъ видахъ дохода, съ тѣмъ только различіемъ, что она происходитъ отъ постепенного уменьшенія усилий въ каждомъ производствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ представить себѣ не только два развитыя промышленныя предпріятія, но даже двухъ отдельныхъ работниковъ, производящихъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Одному тогоже результатѣ достается легче, другому труднѣе, хотя орудія труда всѣ окружающія условія будуть совершенно одинаковы. Эта большая легкость работы представляеть самый простой случай ренты; сбереженные при этомъ время и силы могутъ быть употреблены на другое производство, результаты которого будутъ выражать уже ренту совершенно осознательнымъ образомъ. Что въ предлагаемомъ примѣрѣ представ-

ляется, какъ слѣдствіе естественныхъ способностей и талантовъ, то въ другомъ случаѣ можетъ быть слѣдствіемъ успѣховъ открытий и изобрѣтеній. Они тоже, пока не сдѣланы общими достояніемъ, даютъ своему владѣльцу ренту въ обширномъ смыслѣ этого слова. Форма, которую можетъ принимать рента, такъ понимаемая, разнообразна до безконечности. «Если одному дикарю ближе идти за плодомъ хлѣбнаго дерева—говорить Пасси,—чѣмъ другому, то сбереженіе времени и ходьбы есть уже его рента». Владѣющій плодороднымъ участкомъ, открывшій какой-нибудь болѣе легкій способъ производства, нашедшій алмазъ, лице обладающее талантомъ музыканта, прекраснымъ голосомъ—всѣ получаютъ ренту. При этомъ должно, однако, замѣтить, что влияніе естественныхъ способностей и талантовъ на существованіе Ueberschussfactorа уменьшается, хотя довольно медленно, въ иныхъ случаяхъ, съ поднятіемъ общаго уровня образования и развитія; влияніе же открытій и изобрѣтеній при свободѣ экономической исчезаетъ весьма скоро, такъ, что элементъ ренты въ производствѣ долженъ непремѣнно уменьшаться. Рента эта не есть вознагражденіе за трудъ, а случаійный элементъ, излишекъ временный, не подлежащий общимъ экономическимъ законамъ. Уменьшеніе величины ренты должно происходить и отъ того, что цѣна, господствующая на рынкѣ въ минуту появленія товара, произведенного съ большимъ сбереженіемъ труда, должна будетъ скоро понизиться; потому что каждый, производящій дешевле, видитъ свой интересъ не въ дороговизнѣ, а напротивъ въ уменьшениі цѣны на свой товаръ, расчитывая на разширеніе сбыта, позволяющее продать большее количество произведеній и не виѣдѣть остановки въ работе, за недостаткомъ спроса. Будучи результатомъ рыночной цѣны во время своего появленія, рента есть вмѣстѣ съ тѣмъ причина пониженія этой цѣны, а отнюдь не возвышенія ея; ибо развитіе экономической дѣятельности предполагаетъ производство съ меньшимъ количествомъ труда, а не увеличеніе его для каждого удовлетворенія. Тутъ мы расходимся опять съ догматами господствующей школы.

Все иными сказанное сводится къ следующимъ основнымъ положениямъ:

1. Начало поземельной собственности лежитъ въ труде, а не въ монополіи.
2. Поземельная собственность есть капиталъ, и подлежитъ всѣмъ условіямъ и законамъ участія капитала въ производствѣ.
3. Чистый поземельный доходъ или рента поземельная есть вознагражденіе за участіе капитала земли въ производствѣ.
4. Излишекъ, получаемый въ доходѣ съ некоторыхъ земель, есть частное выраженіе общаго *закона ренты*, присутствія *Uebotsehussfator'a*.

Мыѣ остается обратиться къ тѣмъ измѣненіямъ, какія происходятъ во взаимномъ отношеніи процентовъ, поземельной ренты и заработчай платы. Эти измѣненія—не результатъ случайности, и если въ данный моментъ времени отношеній между разными видами дохода можетъ быть рассматриваемо, какъ находящіяся въ зависимости отъ весьма сложныхъ обстоятельствъ, то послѣдовательный исторический рядъ этихъ отношеній открываетъ намъ простой, но важный законъ: что человѣчество стремится къ поднятію уровня своего благосостоянія, чрезъ подложеніе наемной цѣны капитала и возвышеніе вознагражденія за трудъ. То, чего ищутъ соціалисты, о чёмъ мечтаютъ поборники равенства осуществляется само собою въ силу предустановленной гармонии *интересовъ*. Переходя отъ странъ менѣе развитыхъ къ странамъ болѣе развитымъ, или пробгая экономическую исторію одного и того же общества, мы видимъ постоянное дѣйствіе трехъ сторонъ одного общаго закона:

1. Пропорція (доля), приходящаяся на долю работника изъ общаго результата производства, увеличивается;

2. Также пропорція для капиталиста уменьшается; и

3. Абсолютная величина вознагражденія обоихъ увеличивается.

Другими словами часть работника увеличивается относительно и абсолютно; часть капиталиста уменьшается относительно, увеличивается абсолютно. Это становится совершенно нагляднымъ, если припомнимъ, что съ развитіемъ человѣка увеличи-

вается легкость создания капиталовъ; что увеличеніе ихъ количества понижаетъ ихъ наемную плату; что новые капиталы, бывше совершенные, производительные; что трудъ улучшился въ качествѣ, сталь дороже, тогда какъ капиталъ подешевѣлъ, а общая масса удовлетвореній увеличилась относительно того же количества труда и капитала. Въ первую эпоху капиталъ рабочъ; при помощи его добывается 4 доли, изъ коихъ 1 доля или $\frac{1}{4}$, идетъ работнику, 3 доли или $\frac{3}{4}$ капиталисту. Во вторую эпоху съ лучшимъ трудомъ и капиталомъ добывается 8 долей: но работникъ получаетъ 3, капиталистъ 5, потому что воспроизвести капиталъ дешевле, а употребить его въ дѣло труда—въ третій періодъ, изъ 16 долей половину получаетъ работникъ, другую капиталистъ; въ четвертую изъ 32 — 19, т. е. болѣе половины, идетъ работнику, 13, т. е. менѣе половины, капиталисту и т. д. Пониженіе процентовъ со всѣхъ видовъ капитала и возвышеніе заработчай платы вмѣстѣ съ развитіемъ благосостоянія и работниковъ, и капиталистовъ, очевидно изъ множества факторовъ, которыми не считаю себя въ правѣ утомлять ваше вниманіе. Изъ нихъ вытекаетъ только, что антагонизмъ интересовъ работниковъ и капиталистовъ — воображаемый источникъ зла, которымъ злонко шугали и обольщали толпу въ эпохи соціальныхъ переворотовъ. Капиталистъ вовсе не живеть наслажданіе работника; напротивъ благосостояніе работника есть прямая его выгода.

Указанный законъ, управляющій процентами и заработчай платами, совершенно примѣняется и къ капиталу-землѣ. Рента не увеличивается относительно заработчай платы, какъ выходить изъ ученія Риккардо, и землевладѣльца не поглащаетъ всѣ увеличивающейся пропорціи начального пролетарія: напротивъ, рента, выраженная процентной величиной, уменьшается, доставляя тѣмъ не менѣе болѣе цѣнностей землевладѣльцу,—въ тоже время увеличивается въ обоихъ отношеніяхъ вознагражденіе работника.

Таковъ естественный порядокъ вещей, показываемый экономической исторіею всѣхъ обществъ. Но, Мм. гг., для успѣха

го дѣйствія всякаго естественнаго закона необходимо устранин
принятій, вытекающихъ изъ юридическихъ и историческихъ
определений; необходима свобода общественныхъ от правленій,
въ средѣ которой только и могутъ быть чувствуемы и созна-
ваемы каждымъ тѣ неразрывные узы, которые связываютъ мои
интересы съ интересами моего ближняго, та солидарность, въ
силу которой нравственное развитіе и хозяйственное благосо-
стояніе согражданъ обуславливаютъ мое собственное развитіе и
благосостояніе. Только при сознаніи этой взаимной зависимости
интересовъ и мыслами правда и равенство, когда сильный бу-
детъ видѣть сохраненіе силы въ усиленіи слабаго, когда бога-
тый будетъ основывать свои выгоды не на гибѣ проастарія, но
на извлечениіи его изъ полуживотнаго состоянія въ среду полез-
ной общественной и хозяйственной дѣятельности. Если гдѣ мо-
жетъ болѣе принести пользы изученіе соціальной гармоніи лич-
ныхъ выгодъ, такъ это у насъ, гдѣ одни классы общества долго
жили на счетъ другихъ, и гдѣ начинаются загrogиваться болѣеши-
рокіе общественные принципы.

Ю. Янсон

О ХИЩНИЧЕСТВѢ ЗОЛОТА НА УРАЛЬ. (*)

Почти въ каждой статьѣ и корреспонденції о горгояхъ наше й съ средне-азиатскими владѣніями, какъ только рѣчь коснется но- нормального си положенія, непремѣнно встѣ чаются указания на необходимость: во-первыхъ перенѣсть оренбургскую таможенную черту на Сыр-даринскую линію, и во-вторыхъ прекратить перевозъ въ Азію хищническаго золота. Указанія совершенно пра- вильны, потому что, держась упорно старыхъ порядковъ, заведенныхъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, мы скоро въ Средней Азіи потеряемъ и послѣдніе рынки для сбыта нашихъ мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній. За золото, вывозимое отъ насъ въ монетѣ-путемъ законинъ и въ самородкахъ (шаховое золото) путемъ хищничества, весьма скоро мы станемъ, съ сосѣднихъ съ нами съ Востока рынковъ бухарскихъ и ташкентскихъ, позу- чать изѣбѣя англійскія; чemu уже и были примѣры.

(*) Приготовленія для посыпанія въ ближайшемъ выпускѣ Экономиста, статью: о ненормальномъ положеніи нашей торговли съ средне-азіатскими владѣніями и Западными Китаемъ оттого, что таможенная черта существуетъ до сихъ поръ на линіи Оренбургской, а не на Сырь-Зиринской, въ видѣ предувѣдомленія къ ней, посыпаемъ настоп-щую корреспонденцію.